

УДК 81-11 (130.2)

Проблема соотношения языка, мышления и культуры в научном наследии Д.С. Лихачева

*Зайцева А.А., студентка,
Россия, 105005, г. Москва, МГТУ им. Н.Э. Баумана
кафедра «Инновационное предпринимательство»*

*Научный руководитель: Чернышева А.В., к. ф. н., доцент
Россия, 105005, г. Москва, МГТУ им. Н.Э. Баумана
dekan.fsgn@bmstu.ru*

Наследие Д. С. Лихачева есть фактическое подтверждение той мысли, что наука, в том числе и современная, может и должна быть наукой нравственной. Но что это значит – быть нравственной? И сколь далеко понятие нравственности от научной добросовестности? Не секрет, что нравственные критерии могут не просто тормозить научный прогресс, но в буквальном смысле препятствовать научным открытиям. Часто мне приходилось слышать от ряда ученых, что наука и нравственность – понятия несоотносимые, что наука не заинтересована в морали, поскольку не является ни нравственностью, ни сферой морали, ни областью этики.

Однако помимо чистой науки существуют люди, ею овладевающие. В конце концов, человеческий фактор становится первостепенным фактором в жизни науки. Человек и среда его обитания имеют мало общего с чистой наукой, об этом писал еще А. Ф. Лосев. Наука сама по себе есть фикция, любая наука окрашена внешне и насыщена изнутри человеческой энергией, человеческими мифами, человеческими ценностями.

Мы можем говорить о глубоком понимании этого факта автором, об удивительном синтезе этического, нравственного пафоса всего учения Д. С. Лихачева и сложной научной сосредоточенности его исследований. Читая его труды, невольно приходишь к выводу, что то, о чем пишет мыслитель, есть в той же мере научно достоверные утверждения, сколь и итоги нравственной работы, имеющие практическую значимость в современном культурном пространстве. Наука, по Д. С. Лихачеву, есть такое же средство духовного восстановления человеческой культуры, как и религия, а сама культура – «это нравственность, прежде всего».

В этом докладе мне хотелось затронуть лишь один из аспектов учения Д. С. Лихачева, связанный с проблемой языка и его влияния на формирование конкретной

<http://sntbul.bmstu.ru/doc/585332.html>

культуры, проблемой, которая занимала в течение 20 века многие умы, как в среде отечественной гуманитарной мысли, так и в поле зарубежного лингвофилософского дискурса. По Д. С. Лихачеву, пространство культуры символично и представляет собой систему систем, среди которых одно из главных мест занимает символическая система языка, наряду с мифологией и искусством. Более того, на ранних этапах формирования культуры, эти три системы тесно связаны между собой и представляют в некотором смысле триединство, поскольку всякое искусство изначально зарождается в лоне мифа, а миф находит свое главное воплощение в языке, в словесной культуре, формируя пласт сакрализованной лексики, бережно хранимый от внешних воздействий.

Отсюда и особое понимание Д. С. Лихачевым проблемы художественного стиля и художественной формы в различные периоды жизни культуры. Художественный стиль, с точки зрения Д. С. Лихачева, не есть принадлежность искусства как такового. Стиль определяет и координирует духовное пространство личности, постепенно преобразуя комплекс разрозненных образов в целостный образ действительности, категориально оформленный и творчески завершенный. Художественный стиль определяет систему религиозной образности. Стилиевые особенности проявляются во всех сферах общественной жизни и представляют собой при всем своем многообразии нечто цельное, свидетельствующее о единстве содержания, означаемого рядами форм, характеризующих стиль эпохи.

Что же это за содержания, что скрывается за системой знаков-эмблем?

Д. С. Лихачев иллюстрирует символическую функцию языка следующим образом: «Широкое пространство всегда владело сердцами русских. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы? Тем, что воля вольная – это свобода, соединенная с простором, с ничем не прегражденным пространством. А понятие тоски, напротив, соединено с понятием тесноты, лишением человека пространства. Притеснять человека – это, прежде всего, лишать его пространства, теснить. Русское понятие храбрости – это удаль, а удаль – это храбрость в широком движении. Издавна русская культура считала волю и простор величайшим эстетическим и этическим благом для человека». Иными словами, язык заключает в себе специфические для каждой конкретной культуры понятия и представления, даже целостные категориальные системы, характеризующие восприятие и осмысление человеком действительности. Каждый язык – дверь в духовный мир целого народа, его история, его биография, его личностность. Тот, кто хорошо знает историю языка, обладает способностью постижения его памяти, для того отворены двери в святая святых, в

культурное мирозерцание народа. Наоборот, забвение языковой памяти, нивелировка языка свидетельствуют о глубочайшем кризисе культурного самосознания нации.

Высшая же форма проявления языка как символической формы, по мнению Д. С. Лихачева, есть письменная культура. Для иллюстрации взглядов ученого на роль и значение языка письменности в процессе формирования культурного мирозерцания народа, я бы хотел остановиться на стиле динамического монументализма, характерного для первых веков христианства на Руси и которому подчинялось «все искусство, вся литература, вся политическая, богословская и философская мысль, весь "стиль жизни"». На мой взгляд, данная иллюстрация является наиболее показательной для изложения мыслей Д. С. Лихачева о единстве языка, культуры и сознания человека.

Письменность Древней Руси – уникальный документ, проясняющий для нас предметы, крайне далекие от современного понимания таких понятий, как личность, жизнь, смерть, время, вечность и др. Перед нами совершенно иной мир, принципиально иное видение человека, заслуживающее серьезного внимания хотя бы потому, что оно имеет фундаментальную значимость в истории нашей культуры. Кардинальная черта, выделяемая Д. С. Лихачевым при анализе жанров древнерусской письменности, именуется им «монументальным историзмом», черта, определившая весь характер древнерусской литературы и культуры.

По сути дела, наиболее глубокое и осознанное переживание самого духа истории и исторического процесса имело место именно в средневековье, где как никогда обостренно воспринималось движение исторического времени, его векторность, целенаправленность. Как известно, вне библейско-христианской традиции истории в классическом понимании этого слова не существовало, и языческая Русь, восприняв христианство как картину мира, приобретает и особое историческое жизнечувствие, пронизывающее общество по всей вертикали сословной иерархии. В новое время, а уж тем более в настоящие дни дух истории обращается в дух дурной бесконечности, у которой не видно ни конца, ни края. Следует заметить, однако, что именно ощущение конечности времени при полной неповторимости и необратимости человеческой жизни и событий в ней, породило историческое сознание. Современный американский культуролог и футуролог Ф. Фукуяма неслучайно заметил в связи с этим: «Первыми поистине Универсальными Историками западной традиции оказались христиане... Окончательный финал человеческой истории – именно он придает потенциальный смысл всем частным событиям».

Средневековое сознание обладало той мерой исторической восприимчивости, что легко приводило в связь события, отдаленные друг от друга веками, более того – находило

между ними соответствие, единства, извлекало уроки и вплетало в целостность исторического процесса, где каждая жизнь соединялась с неизмеримым морем человеческих судеб прошлого, но центром истории, стягивающим ее события и не дающим расплыться в пустоте оставалось для этого сознания одно событие, точнее — одна личность, личность Христа. «Все, что совершалось в мире до его воплощения - лишь приуготовление к ней. Все, что произошло и происходит после, сопряжено с этой жизнью... Трагедия личности Христа заполняет собой мир, она живет в каждом человеке, напоминает в каждой церковной службе... Человек жил в окружении событий истории. При этом событие прошлого года не только вспоминалось — оно как бы повторялось ежегодно в одно и то же время».

Список литературы

1. Лихачев Д. С. Великая Русь: История и художественная культура. М., 1994.
2. Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. СПб., 1996.
3. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
4. Чернышева А.В. Проблемы культуры в русской философии: От П. Я. Чаадаева до наших дней. М., 2008.